

Криминальные практики в отношении женщин, маскируемые под романтические отношения. Часть 2

И.С. Алихаджиева¹ ✉

¹ Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой
г. Москва 117624, Российская Федерация

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Статья представляет собой вторую часть исследования виктимизации женщин в цифровом пространстве, когда преступные посягательства маскируются под романтические отношения. Если в первой публикации анализировались схемы корыстного обмана (scam) – виртуальные романы и брачные аферы, то в данной работе фокус смещается на качественно иные, более опасные формы противоправной деятельности в отношении женщин.

Цель – дополнение теории криминологии комплексной типологией женщин-потерпевших от уголовно наказуемых деяний, способом совершения которых является «имитация любви», интегрирующей ранее изученных жертв мошеннического обмана с их новыми категориями.

Задачи: выявить и систематизировать криминальные сценарии под видом «цифрового романа» и на их основе разработать классификацию женщин-жертв с учетом новых групп, дополненных во второй части статьи.

Методология. В основу работы положен междисциплинарный синтез методов: формально-юридический, формально-логический и социально-психологического анализа.

Результаты. Предложена оригинальная классификация женщин-жертв «романтического» обмана с учетом новых видов, рассмотренных в настоящей работе. Для каждого из них описаны криминальные стратегии и психологические механизмы, показывающие, как иллюзия «онлайн-романа» поэтапно трансформируется в способ преступного посягательства, а также устойчивые паттерны виктимности.

Выводы. Доверительный контекст «цифрового романа» формирует уникальную среду для совершения тяжких преступлений против лиц женского пола, выходящих далеко за рамки одной корысти. В псевдоромантических отношениях женщины рискуют стать не только денежным активом мошенников, но и идеологической мишенью, ресурсом для финансирования «сидельцев», жертвой спланированного насилия или потенциальной соучастницей тяжких преступлений. Разработанная типология и выявленный виктимогенный механизм становления жертвой вносят вклад в теорию криминологии и имеют практическую значимость для разработки профилей риска и специализированных профилактических программ.

Ключевые слова: сайты знакомств; дейтинг-сервисы; виктимология; виктимность женщин; виртуальный роман; терроризм; «ждули»; «заочницы»; убийство.

Конфликт интересов: Алихаджиева И.С. является членом редакционной коллегии журнала «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия История и право» с 2022 г., но не имеет никакого отношения к решению опубликовать эту статью. Статья прошла принятую в журнале процедуру рецензирования. Об иных конфликтах интересов автор не заявлял.

Для цитирования: Алихаджиева И.С. Криминальные практики в отношении женщин, маскируемые под романтические отношения. Часть 2 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. Т. 16, № 2. С. 99–115. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-99-115>.

Поступила в редакцию 02.01.2026

Принята к публикации 14.02.2026

Опубликована 29.04.2026

Criminal practices against women disguised as romantic relationships. Part 2

Inna S. Alikhadzhiyeva¹ ✉

¹ Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova
Moscow 117624, Russian Federation

✉ e-mail: Alins1@yandex.ru

Abstract

The relevance. This article constitutes the second part of a study on the victimization of women in the digital space, where criminal acts are disguised as romantic relationships. While the first publication analyzed schemes of fraudulent deception (scams) – specifically virtual romances and marriage frauds – the present work shifts its focus to qualitatively different and more dangerous forms of unlawful activity against women.

The purpos – to supplement criminological theory with a comprehensive typology of women who are victims of criminally punishable acts committed by means of «simulated love», thereby integrating previously studied victims of fraudulent deception with new categories of victims.

Objectives: to identify and systematize criminal scenarios conducted under the guise of a "digital romance", and on this basis, to develop a classification of female victims that accounts for the new categories introduced in the second part of the article.

Methodology. The study employs an interdisciplinary approach, combining formal-legal, formal-logical, and socio-psychological analytical methods.

The results. An original classification of female victims of "romantic" deception is proposed, incorporating the new categories examined in the present work. For each category, the criminal strategies and psychological mechanisms are described, demonstrating how the illusion of an "online romance" is gradually transformed into a means of committing a criminal offense, as well as the persistent patterns of victimhood.

Conclusion. An original classification of female victims of "romantic" deception is proposed, incorporating the new categories examined in the present work. For each category, the criminal strategies and psychological mechanisms are described, demonstrating how the illusion of an "online romance" is gradually transformed into a means of committing a criminal offense, as well as the persistent patterns of victimhood.

Keywords: dating sites; dating services; victimology; victimization of women; a virtual novel; terrorism; "wait-ed"; "part-timers"; murder.

Conflict of interest: I.S. Alikhadzhiyeva is a member of the editorial board of the journal "Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law" from 2022, but has nothing to do with the decision to publish this article. The article passed the peer review procedure adopted in the journal. The author did not declare any other conflicts of interest.

For citation: Alikhadzhiyeva I.S. Criminal practices against women disguised as romantic relationships. Part 2. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(2):99–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-2-99-115>.

Received 02.01.2026

Accepted 14.02.2026

Published 29.04.2026

Введение

В конце 2024 г. российские эксперты отмечали высокие темпы роста аудито-

рии сайтов и мобильных приложений для знакомств (дейтинг-сервисы). Аудитория отечественных площадок по поиску

партнера для романтических целей выросла на 25,3%¹. Это количество уникальных пользователей, установивших и запустивших приложение для романтических свиданий хотя бы однажды. Приведем статистику, хорошо иллюстрирующую несколько современных трендов в России: среди 5 миллионов россиян, регулярно использующих сервисы для поиска пары, женщины составляют свыше 50%. Их пользовательская активность резко выросла в сравнении с допандемийным периодом (с 70 мин до ~90 мин в день)². О существенном росте вовлеченности говорит не только увеличение времени, проводимом на площадках, но и частота посещений – каждая участница заходит в приложение или на сайт в среднем от 5 до 15 раз в день. Такая интенсивность заходов и продолжительность сеансов указывают на глубокую интеграцию сервисов в ежедневную рутину россиянок. Наибольшая активность сосредоточена в целевой возрастной группе 18–35 лет, которые суммарно составляют 90% всей аудитории, ищущей пару онлайн. Этот бум, подогретый удаленным форматом работы и жизни, свидетельствует о масштабном смещении социальных практик в цифровую среду, которая, в силу анонимности и дистанционности, обладает высокой степенью латентности преступных действий.

Комбинация факторов: перенос личной и профессиональной коммуникации в виртуальный мир, общий тренд на цифровизацию социальных связей, доминирование женской аудитории на сервисах

для поиска партнера, формирование привычки, повышенная эмоциональная и временная вовлеченность – создает системную уязвимость. Злоумышленники целенаправленно эксплуатируют эту среду, ибо она предоставляет им прямой доступ к многочисленной, активной и психологически подготовленной к установлению доверительных отношений аудитории.

Быстрорастущие цифровые экосистемы формируют количественную базу потенциальных жертв, в которых преступники, специализирующиеся на социальной инженерии и построении романтических легенд, создают и новые криминальные сценарии, в которых женщины выступают группой с высокой степенью виктимности [1, с. 46]. Как специфический социально-правовой феномен женская виктимность продолжает оставаться в фокусе внимания правоведов, криминологов, социологов, психологов, что подтверждается солидным библиографическим массивом по этой проблеме [2, с. 58]. На разных этапах её осмысления фундаментальной задачей специалистов выступала разработка типологии лиц женского пола, пострадавших от посягательств различной тяжести [3, с. 37].

Результатом стремления ученых к упорядочиванию знаний о механизме виктимизации стали публикации на тему насильственных преступлений, совершаемых против лиц женского пола [4, с. 36]. Авторами предлагались группировки таких преступлений с выделением типичных поведенческих признаков [5, с. 35]. В монографических работах предпринималась попытка рассмотреть проблему убийств женщин, мотивом которых в том числе выступала ревность и корысть [6, с. 20]. Существенный вклад в развитие указанной проблематики внесли исследования, посвященные теме домашнего насилия [7, с. 132] и его виктимологической профилактике [8, с. 280]. Российскими авторами детально исследовано значение признака пола потерпевшего

¹ Козырицкий О. Щит и мэтч: как меняется аудитория российских дейтинг-приложений // Коммерсантъ. 2024. 28 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7419797> (дата обращения: 25.12.2025).

² Онлайн-знакомства, или Романтика в цифровую эпоху // ВЦИОМ. 2024. 11 сент. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/online-znakomstva-ili-romantika-v-cifrovuyu-epokhu?ysclid=mjw12jgqv0932634435> (дата обращения: 27.12.2025).

как фактора, влияющего на совершение посягательств против свободы, включая торговлю людьми и использование рабского труда [9, с. 7]. Достаточно подробно сформулирован виктимологический профиль жертв торговли людьми, в том числе сопряженных с сексуальной эксплуатацией [10, с. 134] и принудительным вовлечением в занятие проституцией и виртуальной порнографией [11, с. 160]. Значительный массив научных трудов был ориентирован на построение виктимологической концепции, учитывающей особенности женщин-жертв половых преступлений [12, с. 104]. В качестве отдельного направления изучаются новые формы сексуального насилия, опосредованные цифровыми технологиями [13, с. 78]. Киберпреследование с сексуальным подтекстом и секстинг (обмен интимными материалами) формируют изменённые сценарии виктимности, создавая дополнительные угрозы для женщин [14, с. 106]. Проблематика рисков, возникающих в процессе интимного общения в интернет-пространстве, активно обсуждается в научной литературе и с уголовно-правовых позиций [15, с. 181]. Особое внимание уделяется феномену «порномест», под которым понимается распространение частных фото- и видеоматериалов, чаще всего женщины, без её добровольного согласия, что формирует новые сценарии виктимности [16, с. 69]. Гендерное измерение неизменно проводится при изучении факторов и условий, способствующих превращению женщины в жертву преступления [17, с. 176]. Важным направлением развития научной дискуссии стал поиск эффективных стратегий предупреждения виктимного поведения при совершении преступлений, где пол жертвы выступает значимым фактором повышенной уязвимости [18, с. 199].

Вместе с тем при фундаментальной изученности «очевидных» форм виктимизации существенный исследовательский пробел видится в недостаточной работанности виктимологического аспек-

та преступлений, маскируемых под романтические отношения. Целостный криминологический анализ способов, использующих романтический флер как основной инструмент манипуляции в цифровой среде, в настоящее время отсутствует. Речь идет о новых, высокоадаптивных схемах, в которых криминальное воздействие на женщину осуществляется не через открытую агрессию, а под видом ухаживания. Модель с симуляцией партнерской вовлеченности реализуется преимущественно через онлайн-платформы для знакомств и построения личных отношений. Фрагментарные упоминания в научной литературе латентного сегмента цифровой преступности под предлогом романтических отношений (так называемых «love scams») не формируют системного понимания её масштабов, механизмов и особенностей противодействия, а потому комплексное исследование этого явления представляется актуальной задачей современной криминологии в свете глобальной тенденции к кибервиктимизации. Потребность в криминологическом осмыслении этой проблемы подтверждается и её легитимацией в международной повестке, что нормативно отражено в выводах 67-й сессии Комиссии по положению женщин ООН. Международный документ квалифицирует насилие с использованием технологий как «любое действие, которое совершается, сопровождается, усугубляется или усиливается посредством использования информационно-коммуникационных технологий или других цифровых инструментов, которое влечет или может повлечь за собой физический, сексуальный, психологический, социальный, политический или экономический вред или другие нарушения прав и свобод»¹.

¹ Цифровые технологии и права женщин: тема сессии Комиссии ООН по положению женщин // Организация Объединённых Наций: сайт. 2023. 2 марта. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1438172?ysclid=mjvcc8jyds644474710> (дата обращения: 25.12.2025).

Методология

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс научных подходов, адаптированных к анализу нетипичных и недостаточно изученных форм виктимизации женщин в контексте цифровых романтических отношений. Формально-логический метод был применён для реконструкции действий преступников (криминальные алгоритмы), характерных для разных видов посягательств. Его использование позволило смоделировать виктимогенный механизм становления женщины жертвой преступлений на почве «романтических» иллюзий: от вербовки для совершения терактов и выманивания денежных средств лицами, отбывающими наказание в местах изоляции, до убийств и сексуального насилия, совершаемых во время «романтической» встречи. С его помощью была осмыслена и криминальная мотивация, маскируемая романтическим интересом – от идеологической (вербовщики) и насильственной (убийцы, лица, совершившие изнасилование) до сугубо утилитарной («сидельцы»).

Формально-юридический метод стал ключевым для комплексного изучения материалов уголовных дел и контент-анализа средств массовой информации, где был установлен факт романтической приманки как способа учиненного деяния. Он же был задействован в идентификации составов преступлений, релевантных криминальным ситуациям (преступления террористической направленности, убийства, сексуальное насилие и экономическая эксплуатация, когда жертвы превращаются в источник денежных средств через переписку и фиктивные браки), что обеспечило правовую определённость исследованию и позволило систематизировать собранный материал.

Метод социально-психологического анализа был направлен на изучение техники установления доверия и эмоцио-

нальной зависимости у женщин в условиях цифровой коммуникации, что объясняет психологические особенности виктимного поведения. Он позволил раскрыть способы трансформации романтических ожиданий в инструмент преступного воздействия, определить роль иллюзии личной близости в снижении критичности восприятия, нейтрализации бдительности и описать виктимное поведение женщин в криминальных сценариях, ранее не получавших детального изложения в юридической литературе. На этой основе могут быть составлены психологические профили потенциальных потерпевших-женщин, предрасполагающие их к вовлечению в качестве жертвы и соучастницы в разные преступные схемы.

Совокупное применение названных методов позволило воспроизвести весь виктимогенный процесс – от установления с женщиной контакта под маской влюблённости до причинения ей вреда. Такой комплексный анализ, привязанный к конкретным преступным действиям, формирует новое научное направление, ранее не становившееся предметом специального изучения в криминологической науке, что составляет новизну данного исследования и его преемственность с первой, уже опубликованной частью работы.

Результаты и их обсуждение

Псевдороман как технология манипулирования в преступных целях

Систематизация и изучение задокументированных эпизодов, в которых женщины приобретают статус потерпевших от так называемого «романтического обмана», позволяют выявить повторяющиеся модели преступного и виктимного поведения (паттерны). Как уже отмечалось в первой части работы [19, с. 136], в криминальной практике сердечная привязанность, формируемая в цифровой среде, трансформируется в инструмент

многоходовых преступных замыслов. Эмоциональная вовлечённость жертвы возникает не спонтанно, а является результатом стратегии, где искусственно созданный образ «влюбленного партнёра» выполняет исключительно утилитарную роль, маскируя истинные цели. Она характеризуется специфическим механизмом утраты критического восприятия, при котором жертва постепенно теряет способность к объективной оценке манипулятивных действий преступника.

С позиций криминологии подобные случаи не являются хаотичным набором фактов, а поддаются чёткой систематизации. Опираясь на специфику преступной практики и функции, которые в ней выполняет романтическая коммуникация, можно построить типологию потерпевших. Эта классификация служит не только для упорядочивания эмпирических данных, но и для выявления закономерностей в способах преступного воздействия, осуществляемого под прикрытием романтических отношений.

В продолжение группирования потерпевших женщин, предложенного в первой части исследования (I. Жертвы «мыльных» опер; II. Жертвы сайтов и мобильных приложений для знакомств; III. Жертвы «альфонс-мошенничества»; IV. Жертвы брачных офлайн агентств), представляется возможным дополнить классификацию тремя новыми типами.

V. Жертвы насильственных преступлений при «очном» свидании – классический пример криминогенной эскалации дистанционных отношений, где виртуальная «привязанность» была использована для подготовки физического насилия. Это ситуации высокого виктимного риска под названием «*Смертельная ловушка*», когда роман на просторах социальных сетей или сайтов знакомств ведёт к физическому или сексуальному насилию против женщины и даже к ее гибели. Онлайн-среда создаёт для злоумышленника оптимальные условия:

анонимность, ускоренное формирование иллюзии доверия, контроль над информационным полем и возможность поиска жертв по заданным параметрам уязвимости. Это не мошенничество ради денег, а фатальная стратегия, когда создание иллюзии любви в интернете служит для того, чтобы заманить, изолировать, изнасиловать и даже физически устранить жертву.

Опишем модели преступного поведения.

1. «*Дистанционный роман с фатальным исходом*». Ключевыми факторами риска здесь являются длительный период виртуального доверия, обнуляющий чувство опасности у жертвы, и эффект «онлайн-персоны», когда кибермаска партнёра сильно отличается от реальной личности, склонной к насилию. Мужчина создаёт безупречный образ «идеального жениха или возлюбленного»: внимательный, любящий, мечтающий о семье. Активная переписка, звонки, «I love you» создают у женщины полную иллюзию глубокой связи с несуществующим человеком. Ослеплённая «любовью», женщина сама разрывает все социальные связи: бросает работу, оставляет родных и страну, чтобы лететь к человеку, которого никогда не видела в реальной жизни. Она публично анонсирует свой отъезд и новую фамилию, не оставляя себе путей для возвращения. Оказавшись за границей, в чужой стране без языка, поддержки и финансовой независимости, она полностью зависит от мужчины. Её безопасность, жильё, общение – всё в его руках. Так, москвичка Анна шесть месяцев общалась по интернету с американцем Уильямом Харгроувом. В переписке у них начался роман. Уильям говорил о любви, строил совместные планы и обещал на ней жениться. Поверив ему, Анна уволилась с работы и переехала в США. Он снял для неё дом. Однако у Уильяма в реальной жизни уже была невеста, с которой он долго жил и собирался вступить в брак. Когда она

узнала об измене, то поставила ультиматум: выбрать между ними. Уильям вывез Анну в лес и застрелил её. Она до самого конца была уверена, что скоро будет свадьба с любимым человеком, и жаловалась родным лишь на его частые рабочие смены¹.

Долгие «отношения» в сети могут стать инструментом злоупотребления изначальным доверием для подготовки тяжкого преступления. Виртуальная близость не только маскирует опасные патологии личности, но и обеспечивает преступнику возможность планировать, манипулировать и добиваться изоляции жертвы в момент нападения. Так, в сентябре 2025 г. в Санкт-Петербурге в апартаменте была убита пятнадцатилетняя школьница. Убийцей оказался ее 18-летний знакомый по онлайн-игре, с которым она 2 года состояла в романтических отношениях по переписке. Общение носило регулярный характер, постепенно трансформировавшись в привязанность на расстоянии. Подростки переписывались, обсуждали личные темы, делились переживаниями, формировали эмоциональную зависимость. Юноша проживал на Сахалине, девушка – в Санкт-Петербурге. В 2025 г. молодой человек сообщил о намерении приехать в северную столицу. Мать девочки выступила против очной встречи. Школьница заявила родителям, что отношения прекращены, однако, несмотря на запрет, она тайно продолжила общение с парнем. Обманув родителей («гуляет с подругой»), девушка пришла в отель, где её ожидал знакомый по переписке. Между ними произошёл конфликт, завершившийся убийством. На теле потерпевшей было обнаружено более тридцати ножевых ранений.

¹ Антонова О. Погибшая в США москвичка познакомилась со своим убийцей в Интернете // Комсомольская правда. 2017. 25 апр. URL: <https://www.kp.ru/daily/26670/3693171/> (дата обращения: 22.12.2025).

2. «Мнимая безопасность». Преступник использует фальшивый цифровой образ (привлекательные чужие фото, выдуманная биография, социальный статус), имитируя якобы безопасный и публичный сценарий встречи, чтобы полностью усыпить бдительность жертвы. Этот «фантом», осознанно или ситуативно, использует недооценку рисков жертвой: ложное чувство контроля над ситуацией, доверие к долгому общению, к социальным нормам, к приватности встречи, к цифровому образу или к краткости свидания. Интенсивная переписка и формат стандартного свидания служат приманкой для привлечения внимания жертвы и быстрого преодоления её естественной осторожности, укрепляет позитивное впечатление и создаёт видимость безопасности. После публичной части мужчина инициирует смену локации («продолжить вечер»). Новое место (бар, клуб, квартира) часто обладает более высокой степенью анонимности и шума. К встрече могут присоединиться его знакомые. Зачастую жертва испытывает резкое ухудшение состояния, предположительно из-за подмешанных в напиток веществ или чрезмерного алкоголя. Это лишает её возможности давать осознанное согласие, оценивать опасность, сопротивляться или звать на помощь. Нападение совершается не в месте встречи, а после быстрого, вероломного перемещения жертвы в контролируемую зону. Например, после двухдневной переписки в приложении для знакомств 30-летняя женщина согласилась на встречу с поклонником. Ведь он активно проявлял внимание: отправлял сообщения утром и вечером, интересовался её жизнью, создавая образ внимательного и надёжного партнёра. После согласования встречи они встретились в кафе за чашкой кофе. Изначально встреча протекала спокойно, однако затем мужчина стал настойчиво предлагать сменить обстановку и уединиться. Когда женщина согласилась, он силой затащил её в автомобиль, отвез в безлюдное место и, вос-

пользовавшись её беспомощностью, совершил изнасилование. В другом случае жертву перевезли в частный дом, где был совершен акт группового сексуального насилия. После употребления спиртного с добавленным психоактивным веществом насильником женщина полностью утратила контроль над ситуацией и своим телом. Бессознательное или полубессознательное состояние жертвы является для преступников гарантией её беспомощности и отсутствия свидетелей «в лице самой жертвы»¹.

3. «Свидание-ловушка», когда жертва оказывается в изолированном помещении с человеком, готовым к насилию. Ключевая криминологическая характеристика – полное физическое ограничение потерпевшей в пространстве, где доминирует преступник, отсутствие контроля со стороны третьих лиц, использование психологического давления, что немедленно усиливает виктимную уязвимость. В таких случаях женщина вводится в заблуждение относительно истинных намерений «свидания», под надуманным предлогом (забота, псевдоромантика, манипуляция, безопасность) заманивается в закрытое помещение («переждать дождь»; «срочный звонок»; «я забыл кошелек»; «показать коллекцию, альбом»; «воспользоваться уборной»; «посидеть в тишине»; «послушать музыку»; «у меня камера, все безопасно»; «я не люблю шумные места»). Например, после знакомства в онлайн первая встреча двух пользователей

приложения для романтического знакомства была назначена не в публичном месте, а в «новой» квартире мужчины. Он мгновенно превратил ее в закрытую ловушку, физически перекрыв для жертвы все выходы. Используя ситуацию полного заточения и отсутствия свидетелей, ухажер из Tinder начал принуждать женщину к сексу. Воспринимая прыжок как единственный способ избежать насилия, женщина предприняла попытку спастись, выпрыгнула с балкона 14-го этажа и погибла.

VI. «Ждули» или «заочницы». В среде осужденных сложилась устойчивая профессиональная терминология, позволяющая однозначно идентифицировать категорию потерпевших от их криминальных схем женщин. На жаргоне уголовного мира «ждули», или «заочницы» – женщины, вступающие в длительные виртуальные отношения с заключёнными и надеющиеся на романтическую связь и будущее замужество. «Сидельцы» тщательно подбирают жертв – женщин 25–50 лет, концентрируясь на тех, кто доверчив, эмоционально восприимчив и находится в поиске внимания и заботы. Цель заключенных – создать иллюзию искренней симпатии и намерений создать семью, манипулируя мечтой женщины о браке и детях, что обеспечивает успешность схемы. Многие арестанты для смягчения режима вступают в брак с «заочницей» еще в местах изоляции или сразу после освобождения. Для брачных афер контакты «ждули» лица, лишённые свободы, раньше получали через карточные игры в колонии. Осуществляется и межзональный обмен базами со сведениями о потенциальных жертвах, что позволяет формировать расширенный «портфель» для криминальных манипуляций. Благодаря современным технологиям арсенал методов поиска и вербовки новых жертв «в жены» модернизировался. Осужденные создают фейковые аккаунты в популярных российских соцсетях («ВКонтакте», «Одноклассники») и на

¹ В поисках любви: 12 самых ужасных убийств после свиданий с интернет-знакомыми // Fishki Net: [сайт]. 2016. 25 апр. URL: <https://fishki.net/1931835-v-poiskah-ljubvi-12-samyh-uzhasnyh-ubijstv-posle-svidanijs-internet-znakomymi.html> (дата обращения: 23.12.2025); Абрамов И. Любовь в онлайн, смерть в офлайн. Геймер зарезал школьницу из-за ревности // Аргументы и факты. 2025. 8 сент. URL: <https://spb.aif.ru/incidents/criminal/lyubov-v-onlayne-smert-v-oflayne-geymer-zarezal-shkolnicu-iz-za-revnosti?ysclid=mjic5u9tkz434249384> (дата обращения: 22.12.2025).

специализированных ресурсах для них. Открытые профили пользователей – потенциальных «заочниц» используются для выявления признаков одиночества, жизненных трудностей или эмоциональной уязвимости.

Методы обмана в отношении таких женщин включают строго выстроенную экономическую модель мошенничества и вымогательства. Заключённые применяют отработанные ловушки-приемы формирования психологической зависимости и контроля над будущей жертвой. Среди них: создание образа «невинно осуждённого», якобы пострадавшего от несправедливости; симуляция серьёзных намерений – обещания будущей совместной жизни, планирование свадьбы, обустройство быта; тактика «эмоциональных качелей» – чередование проявлений ласки и дистанцирования для усиления привязанности; психологическое насилие, манипуляции (газлайтинг) через сомнение в виновности и другие техники для формирования чувства ответственности за судьбу «возлюбленного». Получая посылки, денежные переводы, интимный контент, заключённые могут обменивать их на материальные блага – чай, сигареты, лекарства или необходимые предметы обихода, продолжая поддерживать иллюзию романтического общения. Рыночная стоимость: откровенное фото оценивается в 500–1000 руб. при пересчёте на нужные товары. Механизм монетизации интегрирован в систему неформальной экономики учреждения, что делает эту деятельность устойчивой и трудно выявляемой.

Судебная практика демонстрирует широкий спектр рисков для женщин-жертв «криминальной романтики» и любви к человеку в исправительном учреждении. Среди них: имущественные потери, в том числе похищение сбережений, судебные тяжбы из-за жилья, участие в фиктивных браках, вовлечение в преступные схемы после освобожде-

ния, шантаж приватными материалами, угроза публичного раскрытия порочащих сведений (пример: история жительницы Архангельска, подвергшейся вымогательству и насилию после регистрации в её квартире экс-заключённого. Муж-рецидивист, соучаствующий в новых преступлениях, был помещен в квартиру бывшей жены-«ждули» под домашний арест). Отдельным видом преступления является шантаж на основе секс-компромата («Sextortion»), когда монетизация происходит через запугивание. Арестант получает частные фотографии жертвы в ходе доверительной переписки в интернет-сообществах либо делает их на длительных свиданиях со «ждулей». Далее следует требование выкупа под угрозой рассылки порнографических материалов женщины по всем ее контактам в социальных сетях [20, с. 63].

VII. Жертвы вербовки в междunarодные террористические структуры. Современные террористы изобрели изощрённый инструментарий порабощения, ориентированный на женскую аудиторию. Он представляет собой отработанную систему психофизического подавления воли, где методы нейролингвистического программирования сочетаются с эмоциональным вовлечением, стратегическим использованием языковых и культурных навыков, а также с пропагандистской поддержкой [21, с. 172]. Среди используемых механизмов вовлечения женщин в террористическую деятельность можно выделить следующие:

Манипуляция романтической идеализацией. В Глобальной сети вербовщики осуществляют точечные атаки в отношении женщин до 30 лет с признаками социальной уязвимости, самоизоляции или эмоциональной нестабильности. Они апеллируют к социально сконструированному запросу на «принца на белом коне», создавая иллюзию идеальной любви и совместного будущего. Здесь используются апробированные сценарии

романтического флирта (техника «love bombing»), сочетаемые с интенсивным вниманием к объекту воздействия, чем у жертвы формируется зависимость от виртуального общения. Рекрутер может играть не только роль избранника, но демонстрировать иной поведенческий паттерн: бескорыстного друга, оказывающего эмоциональную поддержку, или мудрого наставника-идеолога, объясняющего «истинное» устройство мира. «Жених» или «сочувствующий», эксплуатируя потребность женщины в стабильности и защите, демонстрирует готовность взять на себя заботу о ней и ее ребенке, преодолеть финансовые трудности. Так, некто Хамза, террорист ИГИЛ¹, после переписки в соцсетях оплатил орловчанке Олесе Сердюк и ее ребенку перелет в Турцию, а затем в Сирию, создав иллюзию решения всех проблем и обещая: «Я тебя уже никогда не брошу»². После установления прочной психологической связи вербовщик инициирует переезд жертвы в зону нахождения террористов (как правило, под предлогом туристической поездки), после чего под угрозой тюрьмы или казни в случае неповиновения следует полный контроль над ее коммуникациями, документами и передвижениями.

Террористы оценивают потенциальную жертву по ряду характеристик: внешность, культурные и языковые навыки, социальный статус, возраст. Высокая ценность адресата вербовки определяется владением иностранными языками, знаниями культурного контекста и внешними характеристиками, соответствующими европейской аудитории. Такие жертвы рассматриваются не только как «жёны боевиков», но и как

агенты, способные действовать в чужой культурной среде и возвращаться на родину для выполнения стратегических задач³. Так, золотая медалистка, спортсменка, студентка престижного философского факультета МГУ Варвара Караулова, владеющая английским, французским и арабским языками, в течение трёх лет подвергалась массированному воздействию со стороны профессионального вербовщика. В группе болельщиков ЦСКА во «ВКонтакте» она познакомилась с Саматовым, скрывавшимся под именем «Влад». Под влиянием радикальной идеологии Варвара, выросшая в светской семье, приняла ислам. Их виртуальные отношения развивались быстро – Саматов умело сочетал религиозные проповеди с романтической привязанностью. Девушка искренне влюбилась и в переписке сама предложила выйти за него замуж. Когда связь с Саматовым временно прервалась, то его место занял другой вербовщик – боевик Надир, который через Skype стал убеждать Варвару стать его женой. Обряд был проведен онлайн, однако Саматов вернулся и склонил её к побегу под предлогом замужества. Скрывая свои намерения от семьи, Караулова купила билет и вылетела в Стамбул – транзитный пункт на пути в Сирию. При попытке нелегального перехода сирийской границы в районе города Килис турецкие власти задержали группу из 16 человек, включая беглянку⁴.

О прямом заимствовании и адаптации методов, ранее применявшихся международными террористическими организациями, свидетельствует практика вер-

¹ ИГИЛ – террористическая организация, запрещенная в России в 2014 г. Верховным Судом РФ.

² Замуж за ИГИЛ // НТВ. 2018. 31 авг. URL: <https://www.ntv.ru/peredacha/proisschestvie/m4001/o511819/?ts=8> (дата обращения: 19.12.2025).

³ Артамонов А. Шахидки и четвертые жены: истории россиянок, завербованных террористами // РБК. 2019. 16 апр. URL: <https://www.rbc.ru/society/16/04/2019/5cb588e39a794707af490b1c?ysclid=mfcka6h4ih652038391> (дата обращения: 21.12.2025).

⁴ Ващенко В. «Основная идея была – выйти замуж за мусульманина» // Газета.ru. 2016. 17 нояб. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2016/11/17/10341713.shtml?ysclid=mg6rhljere186939823> (дата обращения: 25.12.2025).

бовки россиянок украинскими спецслужбами. Вовлечение в терроризм стало одним из ключевых инструментов гибридной войны против России, а основным способом манипуляции – не идеология или денежное вознаграждение, а технология создания иллюзорных романтических отношений. Данный подход, основанный на эксплуатации фундаментальной потребности женщин в любви, демонстрирует высокую эффективность в осуществлении ими деятельности, направленной на дестабилизацию обстановки на территории нашей страны. Процесс вербовки является поэтапным и направлен на формирование устойчивой эмоциональной зависимости, полностью подменяющей у жертвы критическое восприятие реальности. Примером внедрения технологии «любви интриги» является уголовное дело «Хатико» (Крым)¹. Ее путь от романтического увлечения к подготовке теракта был таким. Молодая девушка, активная пользовательница игровых платформ, была выбрана мишенью из-за её открытости и увлеченности веб-коммуникацией. Вербовщик, действовавший под псевдонимом «Алекс», вышел на связь в рамках игрового процесса. Общение началось с обсуждения общего хобби – компьютерных игр, что позволило завоевать доверие геймерши. Куратор украинских спецслужб целенаправленно перевел диалог в личную плоскость: признания в симпатии, обсуждение планов на будущую встречу и создание семьи. После выезда девушки на территорию Украины к работе подключились и другие сотрудники управления диверсионно-террористических актов СБУ. Их задачей было физическое закрепление созданной

виртуальной привязанности. Они организовывали для нее ужины в ресторанах, «романтические» прогулки со своим «возлюбленным» по Киеву, проявляли повышенную заботу и внимание. Это окончательно сформировало у фанатки онлайн-игр чувство защищенности и абсолютной симпатии к Алексу и ее новым «друзьям». Используя сформированную эмоциональную зависимость, под предлогом «помощи в общем деле» и «защиты их будущего» девушку втянули в подготовку диверсии. Ей была поставлена задача совершить подрыв российского военнотружущего с использованием переданного взрывного устройства. На данном этапе она действовала не как идеологическая сторонница, а как женщина, убежденная, что помогает своему партнеру.

Эксплуатация материнского инстинкта и сексуальная роль. Славянки выполняют функцию воспитания нового поколения боевиков, а также используются как «живой товар» в системе торговли и сексуальной эксплуатации под видом так называемого «секс-джихада» и «временных браков» (никах мута). В лагерях террористических организаций женщин, не выполняющих правила боевиков, наказывают, принуждая стать «наложницами» для сексуального «обслуживания». При этом религиозные ритуалы используются для идеологического прикрытия сексуальной эксплуатации («Ты будешь вещью, ты будешь наложницей, тебя будут использовать, ты теряешь всяческие права»). Режим тотального слежения включает регламентацию одежды и поведения, экономическую зависимость через изъятие официальных документов и денежных средств, психологическое давление с угрозами расправы над родственниками. Технология «выученной беспомощности» разрушает способность к сопротивлению даже после физического выхода жен членов запрещенных исламистских группировок из подконтрольной зоны [22, с. 172].

¹ Селиванова А. Готовившая подрыв офицера Минобороны РФ агент СБУ выбрала себе позывной Хатико // Российская газета. 2025. 14 июля. URL: <https://rg.ru/2025/07/14/gotovivshaia-podryv-oficera-minoborony-rf-agent-sbu-vybrala-sebe-pozyvnoj-hatiko.html?ysclid=mfckx185hb514352633> (дата обращения: 22.12.2025).

Масштабная пропагандистская деятельность. Создаются видеоматериалы и музыкальные произведения высокого качества, рассчитанные на привлечение женщин из России, стран СНГ и западных государств в международные боевые отряды. Бюджет подобных проектов достигает миллионы долларов. Пропаганда направлена на формирование положительной оценки жизни в условиях действия радикальной идеологии, демонстрацию «благополучной» повседневности и нормализацию террористических практик. Русские женщины, вышедшие замуж за террористов, часто выполняют роль стратегического ресурса: поддерживают боевиков обустройством быта, используются как смертницы, а также для вербовки новых адептов, распространения инструкций по подготовке терактов и финансирования терроризма. Славянская внешность позволяет занести взрывные устройства туда, куда женщинам азиатской внешности не войти.

Синтез романтической привязанности, лести и идеологического прессинга. Отмечаются и случаи сочетания «любви» манипуляции с элементами идеологического воздействия для финансового пособничества. Так, жительница Ростовской области Елена Попова познакомилась в социальной сети с мужчиной, который представился волонтером, «борющимся за правду». Его легенда была построена на идеализировании образа защитника, что нашло отклик у жертвы. Общение быстро приобрело интимный характер. Вербовщик активно использовал язык чувств: обещал заботу, поддержку, делился «личными» переживаниями и планами на совместную жизнь после «победы». Это создало у Поповой ощущение, что она участвует не в преступлении, а в значимом деле с любимым человеком. Под предлогом необходимости финансирования «гуманитарной миссии» и «помощи единомышленникам» куратор систематически просил ее переводить денежные средства на указанные счета. В её восприятии это был не пере-

вод денег украинским спецслужбам, а личная помощь возлюбленному в его «благом деле». Зачастую механизм вербовки женщин спецслужбами включает комбинацию откровенной лжи о страсти, когда вовлеченных в теракты женщин называют не просто возлюбленными, но и соратницами, чьи действия имеют высшую цель. Кураторы эксплуатируют стратегию, основанную на подчеркивании «уникальности» и «особой роли» («ты самая особенная», «без тебя ничего не получится») и создании культа «жертвенности во имя любви и идеи». Оказывая давление через долг перед «общим делом», женщину убеждают, что только она может выполнить эту «миссию», от которой зависит «их общее будущее». Это мощное психологическое сочетание – обещание любви и требование доказать её через жертву – становится ключом к её вовлечению в непосредственное исполнение террористического акта.

Физическое и психологическое принуждение. Попад в зону контроля террористических формирований, женщины сталкиваются с системой институционализированного насилия. Отдельные случаи демонстрируют применение методик подавления воли через психоактивные вещества. Жертв систематически подвергают воздействию курительных смесей синтетических каннабиноидов и психотропных препаратов нового поколения, которые индуцируют состояние химической зависимости и когнитивной податливости. В состоянии перманентной интоксикации женщина трансформируется в послушный инструмент: её критическое мышление угнетается, а внушаемость достигает пиковых значений. Этот этап создаёт биохимическую основу для последующей идеологической обработки и осуществления актов терроризма¹.

¹ Марина К. Мама, заведи меня отсюда: как складывается жизнь завербованных боевиками россиянок // Комсомольская правда. 2022. 15 июня. URL: <https://www.stav.kp.ru/daily/27403.3/4601920/?ysclid=mfziu2x1yk785551112> (дата обращения: 22.12.2025).

Анализ судебной практики позволяет выделить *три категории вовлекаемых женщин в деятельность преступных группировок религиозной направленности*.

1. *Несовершеннолетние и молодые девушки (15–23 года)*. В материалах дела фигурируют несовершеннолетние девушки, не окончившие школу, активно вовлекаемые через социальные сети в международные сообщества, использующие террористические методы. В зону риска попадают девушки с признаками психологической незрелости, склонные к романтической идеализации, поиску идентичности и цели в жизни. Для данной группы жертв доминирующей идеей является замужество, а уязвимость заключается в романтических ожиданиях («принцесса, ждущая принца на белом коне»). Этим активно пользуются вербовщики, предлагая сценарий «идеальной любви», когда эмоциональная привязанность и «любовные» обещания становятся инструментами формирования идеологической зависимости. Одним из резонансных примеров является дело Анастасии Луценко из Орла, вовлечённой в радикальные взгляды ещё в девятом классе. Вербовщик, представляющийся под псевдонимом Мухаммад, создал иллюзию глубокой душевной связи, постепенно трансформируя её в инструмент психологического манипулирования. Его стратегия включала постепенное внедрение идей о «священной войне» и подготовку к распространению экстремистского контента. От знакомства до глубокой привязки прошло менее трёх недель, что говорит о способности организаторов формировать у несовершеннолетних устойчивую идеологическую зависимость в крайне короткие сроки. «Мухаммад» внушал девочке необходимость принятия ислама, заключения брака и изменения внешности. Луценко удаленно по исламским обычаям вышла за него замуж, а после гибели боевика стала женой другого вербовщика. Такая схема «замуже-

ства» подтверждает наличие отработанного замещения: девушка была немедленно «переориентирована» на нового куратора. Под измененным именем она распространяла экстремистские материалы в социальных сетях и получала инструкции по совершению террористических актов на территории России, самостоятельно вела ежедневные многочасовые переписки с вербовщиком в Telegram, изучала экстремистские материалы и создавала пропагандистский контент. Луценко зарегистрировала и администрировала 4 канала, где опубликовала 12 материалов для аудитории свыше 850 подписчиков. Девушка сама приобретала компоненты для изготовления взрывных устройств через онлайн-магазины, изучала инструкции по их сборке и хранила запрещенные предметы в своем жилище. При задержании у Луценко были изъяты дымовые шашки, взрывные устройства типа «пакет-бомба», документация с планами незаконного перемещения в Сирийскую Арабскую Республику.

2. *Матери-одиночки или женщины в состоянии развода (25–35 лет)*. Основная мишень – потребность в финансовой и эмоциональной стабильности, поддержке и заботе о ребенке. Особое внимание уделяется разведённым женщинам с детьми, легко восприимчивым к любым обещаниям. Так, Олеся Сердюк, 28-летняя мать-одиночка, стала типичным объектом воздействия вербовщиков, эксплуатировавших ее потребность в мужском плече. Боевик по имени Хамза, установив контакт с Сердюк, немедленно предложил брак, организовав заочный обряд и заявив: «Все, ты моя жена, никакого греха нет в нашем общении».

3. *Образованные женщины, владеющие иностранными языками*. Ценность данной группы для террористических структур состоит в их «культурном капитале». Так, москвичка Варвара Караулова, студентка философского факультета МГУ, владеющая английским, французским и арабским, стала целью вербовщи-

ков для использования в качестве переводчицы или агента, «владеющего культурным кодом». Ее история началась в 2012 г., когда московская школьница познакомилась в интернете с мужчиной по имени Мухаммад. Он создал тщательно продуманную легенду: молодой человек славянской внешности 21 года, увлекающийся спортом и машинами. Их общение началось с обычных тем, но постепенно вербовщик перешел к более личным разговорам, создавая иллюзию тесной душевной близости. В течение трех лет он использовал технику изоляции, постепенно отдаляя Варвару от семьи и друзей. Под видом духовной близости и поиска высшей истины Мухаммадом внедрялась религиозная тематика. Девушке подавали ислам как путь к совершенству и средство единения с любимым человеком. Варваре намекали, что только принятие ислама и переезд в Сирию позволят сохранить личные отношения. Её убеждали, что в халифате ждет прекрасная жизнь, полная любви и духовной гармонии. Теракты и насилие объяснялись как «информационная война» Запада против мусульман. В 2015 г. мужчина, пользуясь эмоциональной зависимостью девушки, потребовал немедленного приезда. Варвара купила билет в Стамбул, не подозревая, что становится участницей чудовищного спектакля. В Турции её ждал проводник, который должен был помочь перейти сирийскую границу. Девушку задержали буквально в шаге от пограничной линии и депортировали обратно в Россию. Следствие установило, что сирийский «жених» на самом деле был вербовщиком террористической организации и занимался подготовкой женщин-смертниц.

Выводы

Подводя итоги всему исследованию, можно сделать следующие выводы:

1. Преступные деяния, совершаемые под предлогом романтических отношений, – это поставленный на поток бизнес, который использует глобализацию (ин-

тернет, международные переводы, дипфейки, искусственный интеллект) и эксплуатирует вечные человеческие слабости (одиночество, надежду, доверчивость). Каждая из описанных криминальных практик, маскируемых под душевную симпатию, задействует ключевую уязвимость женщин – искреннее желание любви и понимания, превращая высокие чувства в инструмент криминальной манипуляции. Схема имитации сердечной привязанности и эмоциональной близости – одна из самых циничных, т. к. атакует через лучшие человеческие качества: женскую эмпатию, сострадание, верность данным обязательствам, желание создать семью. Приведенные в тексте статьи примеры – доказательства изощренности современного криминалитета, против которого правоохранительные органы государства часто бессильны. И это не романтики-одиночки, а отлаженная криминальная система, в том числе транснациональная, где женщины – это конвейер для выкачивания денег, потенциальный объект физического и эмоционального насилия, будущая террористка, а «любовь» – стандартный скрипт. Пока существуют одинокие женщины, мечтающие о большой, но «чистой» любви, будет существовать и предложение в виде «принцев на белом коне».

2. Вовлеченные в террористические организации россиянки были привлечены к уголовной ответственности, следствием которой стала судимость. Потеря бдительности в онлайн-романе может быть вопросом даже не имущественных потерь, а жизни и смерти. У многих потерпевших развивались тяжелые психологические состояния, фиксировались попытки суицида. Технология обмана стала цифровой, массовой и анонимной, что ввиду отсутствия доказательств умысла, виртуальных следов и в связи с транснациональными барьерами максимально защищает злоумышленника от уголовного преследования. Осведомленность о конкретных сценариях («мужчина в бе-

де», «брак как виза», «заморский жених», «жених-бизнесмен», «жених-медийная персона», «жених-альфонс» и др.), жёсткий цифровой скепсис (обратный поиск фото, проверка видеосвязью) в отношении того, кого ты не знаешь в реальной жизни, – вот что может разорвать порочный круг становления жертвой одного из преступлений, совершаемых под предлогом брачно-романтических отношений. Это делает личную бдительность в онлайн-коммуникации не просто советом, а необходимым условием выживания в цифровую эпоху.

3. Криминологический анализ механизма вовлечения женщин в том числе в смертельно опасные ситуации через интернет-знакомства показывает не «вину» жертв, а типовые криминологические паттерны, которые делают тактику преступника успешной. На основе исследо-

вания материалов уголовных дел, приговоров и контент-анализа средств массовой информации можно предложить практически значимую для целей предупреждения криминологическую классификацию женщин, потерпевших от преступлений с эксплуатацией романтических ожиданий: I. Жертвы «мыльных» опер; II. Жертвы сайтов и мобильных приложений для знакомств; III. Жертвы «альфонс-мошенничества»; IV. Жертвы брачных офлайн агентств; V. Жертвы насильственных преступлений при «очном» свидании; VI. «Ждули» или «заочницы»; VII. Жертвы вербовки в международные террористические структуры. Разработанная классификация может служить основой для разработки мер виктимологической профилактики и целенаправленного просвещения потенциально уязвимых категорий женщин.

Список литературы

1. Жмуров Д.В., Агильдин В.В. Жертвы сексуального насилия, опосредованного цифровыми технологиями // Российский следователь. 2023. № 12. С. 45–49.
2. Вишневецкая И.Н. Преступления против женщин: понятие и криминологические особенности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 1 (132). С. 185–190.
3. Гаджиева А.А., Гусниев К.А. Классификация и типология женщин, потерпевших от преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 57–59.
4. Ильяшенко А.Н. Насильственные преступления в отношении женщин: состояние, причины, предупреждение // Российский следователь. 2001. № 1. С. 36–40.
5. Яловая О.С. Виктимологические аспекты насильственных преступлений, совершаемых в отношении женщин // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 33–38.
6. Алихаджиева И.С. Криминологическая характеристика убийств, совершаемых в отношении женщин, и их предупреждение. Саратов: Поволжская акад. гос. службы им. П.А. Столыпина, 2003. 147 с.
7. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. № 9 (142). С. 129–138.
8. Думанская Е.И., Меньшикова А.Г. Индивидуальная виктимность и виктимологическая профилактика жертв домашнего насилия // Виктимология. 2022. Т. 9, № 3. С. 280–287.
9. Кобец П.Н. Характеристика жертв преступлений, совершаемых в сфере торговли людьми и использования рабского труда // Виктимология. 2025. Т. 12, № 1. С. 7–17.
10. Алихаджиева И.С. Гендерные аспекты сексуальной эксплуатации человека // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 134–142.
11. Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 4 (125). С. 160–173.
12. Ивасюк О.Н., Калашников И.В. Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 104–110.

13. Курмычкина А. Цифровое насилие и притеснение женщин: изучение проблемы кибербуллинга, домогательств в сети и распространения интимных материалов без согласия // Наука и технология в современном мире. 2025. Т. 4, № 7. С. 78–86.
14. Ильницкий А.С. Криминологические риски интимной коммуникации в сети Интернет // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 106–109.
15. Бимбинов А.А. Уголовно-правовые риски использования мобильных приложений для знакомств // Всероссийский криминологический журнал. 2024. № 2. С. 181–190.
16. Сидоренко Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации // Lex Russica. 2024. Т. 77, № 12. С. 68–83.
17. Щеголева А.Н. Виктимогенные факторы насилия в отношении женщин // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 3. С. 176–182.
18. Шикула И.Р. К вопросу виктимологической профилактики семейно-бытовой агрессии в отношении женщин (критерии беспомощности) // Образование и право. 2017. № 11. С. 199–202.
19. Алихаджиева И.С. Криминальные практики в отношении женщин, маскируемые под романтические отношения. Часть 1 // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2026. № 16 (1). С. 133–152.
20. Соловьев В.С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.
21. Доронин С.П., Фёдорова К.В. Феномен женского терроризма и проблема его интерпретации в обществе // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 172–176.
22. Шарафутдинова Э. Женский терроризм в контексте исламского интегризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2011. № 4. С. 170–180.

Reference

1. Zhmurov D.V., Agildin V.V. Victims of digital-mediated sexual violence. *Rossiiskij sledovatel' = Russian investigator*. 2023;(12):45-49. (In Russ.)
2. Vishnevetskaya I.N. Crimes against women: the concept and criminological features. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;(1):185-190. (In Russ.)
3. Gadzhieva A.A., Gusniev K.A., Classification and typology of women victims of crimes. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2017;(1):57-59. (In Russ.)
4. Ilyashenko A.N. Violent crimes against women: state, causes, prevention. *Rossiyskiy sledovatel' = Russian Investigator*. 2001;(1):36-40. (In Russ.)
5. Yalovaya O.S. Victimological aspects of violent crimes committed against women. *Obshchestvo i pravo = Society and law*. 2018;(2):33-38. (In Russ.)
6. Alikhadzhieva I.S. Criminological characteristics of murders committed against women and their prevention. Saratov: Povolzhskaya akad. gos. sluzhby im. P.A. Stolypina; 2003. 147 p. (In Russ.)
7. Salamova S.Ya. Domestic violence in modern Russia: general characteristics. *Lex Russica = Lex Russica*. 2018;(9):129-138. (In Russ.)
8. Dumanskaya E.I., Menshikova A.G. Individual victimization and victimological prevention of domestic violence victims. *Viktimologiya = Victimology*. 2022;9(3):280-287. (In Russ.)
9. Kobets P.N. Characteristics of victims of crimes committed in the sphere of human trafficking and forced labor. *Viktimologiya = Victimology*. 2025;12(1):7-17. (In Russ.)
10. Alikhadzhieva I.S. Gender aspects of sexual exploitation of humans. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2018;(8):134-142. (In Russ.)
11. Alikhadzhieva I.S. On new trends in the modern sex industry and its criminological risks. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2021;(4):160-173. (In Russ.)
12. Ivasyuk O.N., Kalashnikov I.V. Victimological features of crimes against sexual freedom committed against women. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(5):104-110. (In Russ.)

13. Kurmychkina A. Digital violence and oppression of women: studying cyberbullying, harassment online, and non-consensual dissemination of intimate materials. *Nauka i tekhnologiya v sovremennom mire = Science and Technology in the Modern World*. 2025;4 (7):78-86. (In Russ.)
14. Ilnitsky A.S. Criminological risks of intimate communication on the Internet. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(9):106-109. (In Russ.)
15. Bimbinov A.A. Criminal law risks of using mobile dating applications. *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal = All-Russian Criminological Journal*. 2024;(2):181-190. (In Russ.)
16. Sidorenko E.L. Digital violence against children: concept, types, and features of qualification. *Lex Russica*. 2024;77(12):68-83. (In Russ.)
17. Shchegoleva A.N. Victimogenic factors of violence against women. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2018;(3):176-182. (In Russ.)
18. Shikula I.R. On victimological prevention of domestic aggression against women (helplessness criteria). *Obrazovanie i pravo = Education & Law*. 2017;(11):199-202. (In Russ.)
19. Alikhadzhiyeva I.S. Criminal practices against women masquerading as romance. Part 1. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of Southwest State University. Series: History and Law*. 2026;16(1):133-152. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2026-16-1-133-152>.
20. Soloviev V.S. Revenge porn: the essence of the phenomenon and the problems of its criminal law assessment. *Ugolovnoe pravo = Criminal law*. 2017;(6):60-64. (In Russ.)
21. Doronin S.P., Fedorova K.V. The phenomenon of female terrorism and the problem of its interpretation in society. *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2016;(3):172-176. (In Russ.)
22. Sharafutdinova E. Women's terrorism in the context of Islamic integrism. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scholarly notes*. 2011;(4):170-180. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Алихаджиева Инна Саламовна, доктор юридических наук, доцент, Российская криминологическая ассоциация имени Азалии Ивановны Долговой, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X, SPIN: 4482-5793, AuthorID: 808979

Inna S. Alikhadzhiyeva, Doctor of Sciences (Juridical), Associate Professor, Russian Criminological Association named after Azalea Ivanovna Dolgova, Moscow, Russian Federation, e-mail: Alins1@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-6998-930X, SPIN: 4482-5793, AuthorID: 808979